

Идрисов Рустем Анатольевич

канд. ист. наук, доцент

Широков Олег Николаевич

д-р ист. наук, профессор, декан

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный

университет им. И.Н. Ульянова»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

ПРАВО НА МИФ

Аннотация: в статье анализируются сложившиеся в современной историографии подходы к историческому мифу как форме исторического знания. Несмотря на распространенное критическое отношение к этому явлению, автор считает его актуальным и ценным для укрепления значимости исторической науки в обществе.

Ключевые слова: историческое знание, миф, постмодернизм, историческая наука.

Соотношение научного и мифологического в эпистемологии выступало неоднократно объектом современного дискурса в исторической науке [3; 5; 9]. Позиции признанных специалистов в данном вопросе могут существенно расходиться и развиваться, однако остаются неизменными в одном – в отрицании научности содержания мифа. Наиболее взвешенной в этом плане представляется оценка С.И. Маловичко, оперирующего понятием социально ориентированного типа исторического знания [5, с. 130], к категории которого можно отнести и современный исторический миф.

Разделяя в целом указанную выше позицию, автор не может не обратить внимание на определенную ценность исторического мифа, пытаясь его в некоторой степени реабилитировать.

В современной ситуации в России мы наблюдаем снижение общественной актуализации исторического знания. В причинах этого явления следует разбираться отдельно, так как они без сомнения имеют многоуровневый комплексный

характер. Но в связи с этим можно отметить и некоторый дефицит мифологизации истории. Это означает, что появление исторического мифа не может быть результатом сугубо государственного заказа без наличия общественного запроса на миф. Поэтому современные попытки создать нужный власти миф не удаются. Однако неудачи в этой сфере весьма показательны.

Сформировавшийся миф, даже самый абсурдный по содержанию, свидетельствовал бы о наличии социального интереса к истории. В настоящий момент этого не наблюдается. В свою очередь, отсутствие новых явлений в сфере социально ориентированного типа исторического знания означает снижение значимости его как такового. Пусть простят меня старшие коллеги, однако я никогда не соглашусь с тем, что развитие научно ориентированного типа исторического знания имеет ценность при полном отсутствии общественного интереса. Следует задаться вопросом о целевой установке противостояния так называемой «строгой науки» и нарративного историописания. Для чего устанавливать истину, если она никому не нужна? Для конечного установления истины, как таковой?

Широко распространившееся в научном сообществе мнение Рольфа Тоштендаля о том, что «основная задача историков – распространять новые результаты внутри научного сообщества, ... нельзя допускать, чтобы эти результаты оставались в тени из-за желания получить широкое признание вне академического сообщества с помощью увлекательного нарратива» [13, с. 22] имеет смысл в том случае, если мы принимаем его версию основной задачи историков. В связи с этим будет уместным вспомнить о прежней миссии российской интеллигенции, видевшей конечную цель своей деятельности в служении народу. Указанная же выше позиция – это прямая отсылка к современному интеллектуалу западного типа, не скованному этическими и моральными иллюзиями XIX века. Будем до конца откровенны перед обществом и совестью: мы сделали выбор в пользу высокого профессионализма, а значит попрощались с морально-этическими веригами прошлого.

Между тем для исторической науки сохраняет свою важность коммуникативное поле, составной частью которого является «коммуникация

представителей научного сообщества с «внешним миром» [2, с. 29]. Подобная коммуникация получает широкую практику именно в ситуации общественной дискуссии по поводу исторического мифа. Отсутствие мифа не дает повода для дискуссии, не формируя в том числе и внешнюю коммуникацию историков-профессионалов. Значимость диалога мы не можем недооценивать, по меткому определению К.К. Султанова диалог – это «генератор творческих смыслов», стимулирующий «другой уровень понимания самобытности, которая перестает быть только объектом мемориального созерцания» [12, с. 17]. Надо признать в связи с этим, что «мемориального созерцания» в отечественной исторической науке все еще слишком много.

Еще одна важная функциональная составляющая мифа – его роль маркера исторической событийности или согласно распространенной сейчас терминологии Пьера Нора «места памяти» [7; 10, с. 41]. Присутствие мифа – явный указатель значимости исторического события, позволяющей его классифицировать как «место памяти». С этой позиции желание власти атрибутировать событие в таком качестве прямо требует появления мифа, допускающего изначальную возможность верификации доводов сторон и провокативный характер общественной дискуссии. Тем ценнее и значимее в данном случае становится мнение эксперта историка-профессионала.

Еще одним аргументом в пользу роли исторического мифа является определенная вина в его широком распространении самого профессионального сообщества носителей научного исторического знания. Постмодернистский этап развития исторического знания основан на идее «принципиального плюрализма» [8, с. 25], крайней формой которого выступает принцип П. Фейерабенда «допустимо все» [8, с. 22]. Точкой отсчета в данном случае, наверное, следует считать принцип фальсификационизма К. Поппера, состоящий в отказе от необходимости обоснования научных теорий. В практике развития исторической науки это дало очень бурные всходы.

В частности, в работе историка с историческим источником приоритет стал отдаваться не содержанию источника, а роли самого ученого, выступающего не

только в качестве интерпретатора источника, но и конструктора истории [1, с. 319; 6, с. 66]. В постмодернизме историческое знание не является отражением действительности, оно – не более чем «субъектное выражение интересов и потребностей, стереотипов восприятия и мышления самого исследователя» [4, с. 55].

К чему это приводит великолепно демонстрирует пример из статьи И.М. Савельевой, описывающей содержание тематического номера издаваемого в США журнала «History and Theory» «Истина и аутентичность в современной исторической культуре» за 2009 г. Авторы журнала, серьезные ученые ставят в один ряд по критерию исторической истинности наравне с научными исследованиями «роман «Бойня No5» Курта Воннегута, фильм «Список Шиндлера» Стивена Спилберга, современные видеоигры и пр.» [11, с. 33]. И.М. Савельева справедливо констатирует: «С одной стороны, они показывают нам, как работают отдельные тексты или визуальные репрезентации и как «ловкость рук» позволяет производить эффект реальности в разных культурных декорациях» [11, с. 34].

Теперь остается задать себе вопрос: а как не появиться историческому мифу при подобных историографических подходах? Другой абсолютно риторический вопрос, проистекающий из первого: почему мы тогда пытаемся предъявлять какие-то научные требования к мифам, пытаясь добиться их верификации? В таком случае, я склонен, идя по стопам Пьера Нора, видеть истинную причину наших претензий в некой профессиональной ревности, возникающей в связи с тем, что «у историка отбирается его традиционная монополия на интерпретацию прошлого» [7].

Таким образом, теперь следует уделить внимание уже не критике мифа, как специфической формы исторического знания, а его профессиональному производству с целью получить конкурентноспособный продукт.

Список литературы

1. Вжосек В. Культура и историческая истина. – Н. Новгород: Мининский университет; М.: Флинта, 2019. – 456 с.

2. Корзун В.П. Коммуникативное поле современной исторической науки. От размышлений историографов к опытам описания / В.П. Корзун, В.Г. Рыженко // Диалог со временем. – 2011. – №37. – С. 24–45.
3. Леонтьева О.Б. Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX вв. – Самара: Книга, 2011. – 448 с.
4. Лубский А.В. История как строгая наука vs нарративная логика историописания // Диалог со временем. – 2013. – №44. – С. 53–62.
5. Маловичко С.И. Непонимание как форма сосуществования различных типов исторического знания // Диалог со временем. – 2014. – №46. – С. 129–146.
6. Мареш Т. Историческое познание или историческое мышление? // Диалог со временем. – 2013. – №44. – С. 62–69.
7. Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. – 2005. – №2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/vsemirnoe-torzhestvo-pamyati.html> (дата обращения: 21.11.2019).
8. Попова Т.Н. Дисциплинарный образ науки: подходы и понятия. – Одесса: ИП Бондаренко М.А., 2019. – 392 с.
9. Репина Л.П. «Мост из прошлого в будущее», или Вновь о метафоре памяти // Диалог со временем. – 2012. – №41. – С. 181–191.
10. Репина Л.П. Событие в истории и коллективной памяти: «Казус 1066» // Диалог со временем. – 2016. – №56. – С. 39–47.
11. Савельева И.М. Исторические исследования в XXI веке: теоретический фронт // Диалог со временем. – 2012. – №38. – С. 25–54.
12. Султанов К.К. Самодостаточность многообразия или диалог различий? (в поисках новой модели межлитературного и межкультурного взаимодействия) // Диалог со временем. – 2012. – №41. – С. 5–25.
13. Тоштендаль Р. «Новые результаты» и «научные революции» в истории // Диалог со временем. – 2013. – №43. – С. 5–24.